

Е.М. Сергеев

Взгляд сквозь годы. Воспоминания

(Продолжение. Начало в ИГ1–2/2016.)

Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) —

крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геоэкология: инженерная геология, гидрогеология, геокриология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

Глава 7 Студент Московского университета

«Ускоренный» поезд шел из Хабаровска в Москву двенадцать суток. Но с самого начала он начал «набирать опоздание». Прибыли на Ярославский вокзал по расписанию минута в минуту, но с опозданием на трое суток, вместо 11 января — 14 января 1935 года. А на следующий день родилась дочка Ниночка, как заявила врач, «хороший, здоровый ребенок, всем бы таких». Значит, всем нам троим повезло.

Молодой маме хватало дел, несмотря на помощь бабушек и прабабушек. А вот мне, главе семьи, надо было думать о работе, куда и на какую должность поступить.

В техникуме близким моим товарищем был Виктор Герасименко. По распределению он остался в Москве и был направлен на работу на 2-ю картфабрику НКВД.

— Мы сейчас работаем над составлением географического атласа мира, — говорил Виктор. — Кадры нужны, особенно для составления физико-географических карт. Редакторами у нас крупные ученые географы. Хочешь, познакомлю с главным инженером картфабрики? Я ее немного знаю.

Вторая картфабрика находилась в центре Москвы, недалеко от улицы Куйбышева, во дворе, позади здания бывшей биржи.

Главным инженером фабрики оказалась сравнительно молодая женщина, которая подтвердила: «Да, нам

работники нужны, могу вас зачислить техником-картографом первого разряда». Я набрался то ли храбрости, то ли нахальства и решил «поторговаться».

— Вы посмотрите мою трудовую книжку. Мне присвоена самая высокая квалификация, какая есть у топографов, — старший топограф. Это соответствует должности инженера. А вы меня хотите техником зачислить. Если можете зачислить инженером-картографом, я согласен, а на должность техника, имея квалификацию «старший топограф», мне идти неудобно.

— У нас оплата сдельная, независимо от занимаемой должности. Но если для вас это важно, я согласна.

И меня зачислили на должность инженера-картографа самого низкого разряда в составительский отдел для работы над картами атласа мира. В мою обязанность входило изображение рельефа на картах «Германия» и «Европейская часть СССР». Научным редактором был профессор Московского университета Александр Сергеевич Барков. Главным научным редактором всех физико-географических карт был тоже профессор Московского университета Александр Александрович Борзов. С последним мы встречались редко, с Александром Сергеевичем — очень часто. Оба советовали мне поступить в Московский университет на почвенно-географический факультет на специальность «геоморфология».

— Геоморфолог с топографическим образованием и опытом работы — это, поверьте, очень хорошо, — сказал Борзов.

Это была моя давняя мечта. Я все чаще и чаще вспоминал лето 1929 года, скверик перед Московским университетом, юношей и девушек в нем и надпись на фронтоне здания «Наука — трудящимся». Три года я честно трудился после окончания техникума и, как мне казалось, получил моральное право на поступление в университет.

В техникуме общеобразовательные предметы — математика, физика, химия — изучались в очень небольшом объеме на первом курсе и за пять лет мною полностью были забыты. Надо было начинать с нуля, а шел уже апрель, до первого августа оставалось всего три месяца.

Я поступил на платные курсы по подготовке в вузы, но очень скоро понял, что эти курсы не для меня. На них обучались главным образом десятиклассники, отшлифовывавшие знания, полученные в средней школе. А мне нечего было отшлифовывать. Мне шел двадцать второй год, и я выделялся среди семнадцати-восемнадцатилетних юношей и девушек. Наверное, из хороших побуждений преподаватели довольно часто вызывали меня к доске. Обычно дело кончалось тем, что я клал мел и говорил: «Нет, эту задачу я не могу решить». И пока я шел на место, меня провожали удивленно-сочувственные взгляды. Я перестал ходить на курсы.

Между тем дочка подрастала. Надо было после работы с ней погулять и помочь Шуру. Подходило лето. Мы сняли комнату в Одинцове. Возникал вопрос, как все совместить — работу в Москве, жизнь в Одинцове, подготовку к экзаменам? Я перешел работать во вторую смену, которая заканчивалась в двенадцать часов ночи. Каждый день с Белорусского вокзала последним поездом возвращался в Одинцово и около трех часов ночи, когда уже светало, приходил домой. Спал до девяти утра, а в десять сидел уже за учебниками часов до двух.

Шура освободила меня от всех домашних дел, поэтому четыре часа можно было заниматься на даче и не меньше одного-двух — в дороге. Пять-шесть часов самостоятельных занятий в день плюс воскресенье. Это уже кое-что. В таком режиме прошли два с половиной месяца.

Многое мне удалось подучить, но я понимал, что к экзаменам еще не готов. И все же подал документы в МГУ на почвенно-географический факультет. Решил так: пойду хотя бы посмотрю, что это за экзамены. Конечно, провалюсь, но буду иметь о них представление, год еще позанимаюсь и тогда поступлю обязательно.

Экзаменов было четыре, три устных — математика, физика, обществоведение и один письменный — сочинение. Первым был экзамен по математике. Экзаменационный билет попался удачный. Немного волновало то обстоятельство, что на экзамене присутствовал проректор университета профессор Кадак. Но все же я отвечал неплохо и, думаю, оценку «хорошо» заслужил. Легко, с той же оценкой сдал экзамен по обществоведению. И появилась надежда поступить. Но дальше все было не так просто.

На экзамене по физике мне достался билет, в котором третьим вопросом значилось: принцип устройства динамомашин. Первые два вопроса я знал, а этот — нет. На два раздела физики: электричество и магнетизм у меня просто не хватило времени. Принимал экзамен

молодой аспирант физического факультета Белов. Теперь Константин Петрович Белов профессор, известный ученый. Тогда же это был совсем молодой человек, ставший держаться солидно. Мои ответы на первые два вопроса его вполне удовлетворили. Но как только дело дошло до третьего вопроса, мне ничего не оставалось, как сказать: «А третьего вопроса я не знаю».

— Как не знаете? Ведь это простой вопрос.

— А я ничего не знаю по электричеству и магнетизму.

— Почему?

— Я учился в топографическом техникуме, физики у нас почти не было. А когда готовился к экзаменам, у меня не хватило времени не только выучить, но даже посмотреть эти два раздела.

— Так что же мне с вами делать?

— Не знаю.

— Если я вам поставлю «удовлетворительно», обещаете посмотреть эти разделы до сентября?

И в экзаменационном листке против физики у меня появилась отметка «удовлетворительно». Этот разговор я напомнил Константину Петровичу за обедом в профессорской столовой МГУ, будучи уже ряд лет первым проректором университета и членом-корреспондентом АН СССР.

Константин Петрович рассмеялся:

— Неужели я таким либералом был?

А с экзаменом по русскому языку дело обстояло еще хуже. Не помню тему сочинения, но хорошо помню отметки, которые я за него получил. Их было три: содержание — «отлично», грамотность — «неудовлетворительно», общая оценка — «неудовлетворительно». Все. Можно забирать документы и готовиться к следующему году.

Пришел в приемную комиссию факультета. Ее секретарем была студентка второго курса Люба Коган. Говорю ей: «Получил неуд за сочинение. Пришел за документами».

— Не спешите, подождите до завтра. С такими же оценками, как у вас, человек двадцать. Среди них много ребят с производственным стажем. Может быть, разрешат тем, у кого «отлично» за содержание, еще раз написать сочинение.

Люба оказалась права. Получившим «отлично» за содержание разрешили написать сочинение повторно. На этот раз я старался писать более короткими фразами и по возможности простыми словами. В результате в экзаменационном листке «удовлетворительно». И так, из 20 возможных — 14 баллов. Вряд ли с такими баллами зачислят. И все-таки в глубине души надежда была, а вдруг?

Принимали на почвенно-географический факультет 50 человек. В первую очередь рабфаковцев (это был последний выпуск рабфаков, после чего они были ликвидированы), а затем всех других, державших экзамены, с учетом результатов. Как только я подошел к списку зачисленных студентами на факультет, еще издали увидел, что моей фамилии в списке нет. Подошел поближе. Я даже не очень расстроился. Готов был к этому. Опять пошел в приемную комиссию забирать свои документы. А комната, где они находились, закрыта, где секретарь, никто не знает. Подождал немного и решил, что как-нибудь найду в другой раз.

Вернулся на картфабрику и приступил к работе. Пока сдавал экзамены, ее поднакопилось много. Все некогда было сходить за документами. После экзаменов я перешел работать в первую смену. И теперь во время обеденного перерыва надо было еще успеть купить продукты, чтобы отвезти их в Одинцово. Бегу однажды за продуктами и на улице Горького встречаю Любу Коган. Вернее, она меня заметила первая и окликнула:

— Минуточку, вы, кажется, Сергеев?

— Да. Здравствуйте. Вот все не соберусь зайти к вам за документами.

— Не надо их забирать. Факультету разрешили принять дополнительно еще 25 человек. И мы вас зачислили. Второй список уж три дня как висит. Вам надо зайти получить студбилет и зачетку, справку о зачислении, чтобы сдать ее по месту работы, пройти медосмотр и так далее. Заходите.

С 1 сентября 1935 года я стал студентом Московского государственного университета имени М.Н. Покровского. Так тогда назывался МГУ.

Началась новая жизнь. Очень понравились первые лекции по общей геологии. Их читал профессор Александр Васильевич Костюкевич. Читал просто, ярко, мастерски. Мне не довелось слушать лекции А.П. Павлова — основателя московской школы геологов. Известно, что на его лекции по геологии приходили студенты-медики, юристы, люди, ничего общего не имевшие с геологической наукой. Но к этому времени А.П. Павлов тяжело заболел и поехал лечиться в Германию. Больше преподавать он не смог. Для меня же эталоном лекторского мастерства на всю жизнь остался профессор Костюкевич. Имею возможность сравнить лекции по общей геологии Костюкевича с теми, что читались после него. Я с удовольствием всегда присутствовал на первых лекциях по общей геологии при начале учебного года. Мне очень нравились лекции профессора О.К. Ланге, заслуженного профессора МГУ А.Ф. Якушовой и ряда других своих коллег. И все же на первое место я поставил бы профессора Костюкевича. Уже пожилой, седой, но стройный, с немного всклокоченной шевелюрой, он старался вложить в нас основные понятия геологической науки, привить к ней интерес. Костюкевич хорошо знал немецкий язык, широко цитировал в своих лекциях работы известного ученого Шттини — своего учителя — с ходу переводил их с немецкого на русский язык. Он умел выбрать наиболее сложные и актуальные проблемы с указанием пути их решения.

Лекции по общей геологии проходили в круглом зале на четвертом этаже «казаковского» здания, в крыле, выходящем на улицу Герцена и на Моховую. На первой лекции я оказался рядом с пареньком небольшого роста, который сразу же вызвал у меня чувство симпатии. После лекции мы обменялись впечатлениями и сошлись на том, что профессор читает «здорово и очень интересно». Тут же познакомились. Оказалось, что моего нового товарища зовут Марк Заславский. На следующем занятии мы уже сели рядом. И все наши студенческие годы и, теперь уже можно сказать, всю нашу жизнь, не только прошли рядом, но и стали самыми близкими друзьями.

Профессор Марк Николаевич Заславский был крупным ученым в области эрозии почв, работал на Дальнем Востоке, в Молдавии, в Китае, а затем на географиче-

ском факультете Московского университета. Умер в 1983 г. по дороге в университет в возрасте 69 лет. Его жена Нина окончила химический факультет. Марк посвятил всю свою жизнь науке, а Нина — Марку и трем сыновьям. Двое из них — доктора наук.

Студентов первого курса разделили на два потока: военный и невоенный. В первом потоке были мужчины, годные к военной службе; срок обучения у них был пять с половиной лет. На полгода больше, чем у второго потока, в котором находились женщины и невоеннообязанные мужчины.

В военном потоке мужчины должны были не только выполнить обычный учебный план, но и пройти военную подготовку и получить командное звание. Часть студентов проходила подготовку для службы в авиации в качестве летчиков-наблюдателей (летнабы). Другая, большая часть, готовилась на должность командиров стрелкового взвода.

Мне приходилось дважды проходить медосмотр в поликлинике университета: в связи с зачислением в университет и при определении годности для службы в авиации. Оба раза я испытывал неловкость, что меня осматривает и выслушивает молоденькая женщина врач-терапевт. Это была Надежда Дмитриевна Шерер. Замечательный врач, которую хорошо знают и уважают очень многие сотрудники МГУ, Надежда Дмитриевна стала другом нашей семьи. Она продолжала работать в поликлинике университета до 1990 года. Более пятидесяти лет своей жизни Надежда Дмитриевна отдала службе здоровья студентов и сотрудников университета.

Военная группа первого курса почвенно-географического факультета одновременно являлась и академической. Марк и я оказались в одной группе. Избрали парторга, комсорга и профорга. Парторгом был избран Виктор Титов, пришедший в университет с завода, он был среди нас самым старшим. Профоргом избрали меня. Это сблизило меня с Титовым.

Виктор Титов выделялся среди нас своей зрелостью, политической и житейской. Его спокойный характер, благожелательное отношение и в то же время справедливая требовательность к товарищам вызывали у нас симпатию и уважение.

Единственное, что трудно давалось Виктору на первом курсе, — это математика. А мне, наоборот, математика нравилась, и я хорошо понимал и лекции профессора Кудрявцева, и материал, который нам давала на семинарских занятиях опытный педагог доцент М.И. Слудская. Мы стали вместе с Виктором заниматься математикой по вечерам в свободных аудиториях. Объясняя ему какую-нибудь теорему, я сам лучше ее понимал. Может быть, именно поэтому экзамены по математике я сдавал на «отлично».

Виктор Титов дал мне очень много в политическом развитии. Потом я понял, что он сознательно готовил меня для вступления в партию. Во многом я обязан ему, что стал коммунистом. Виктор прямо меня спросил: «Женя, а у тебя не было желания вступить в партию?» Я рассказал ему свою жизнь и закончил, в свою очередь, вопросом: «А разве меня примут в партию?».

— Тебе надо сначала вступить в комсомол.

— Я еще в техникуме собирался, да не оформил тогда свое вступление. На Дальнем Востоке мы уже себя

считали взрослыми, «переростками» для комсомола. А сейчас и подавно! У меня уже дочке годик исполнился. Ребята спросят, а где ты раньше был?

— И все же ты подумай об этом. Я тебе советую — подай заявление в комсомол.

Этот разговор у нас состоялся в начале тридцать шестого года, после первой экзаменационной сессии. Виктор сказал мне: «Знаешь, Женя, у нас было партийное собрание университета и там твою фамилию упоминали среди отлично успевающих студентов».

— Откуда же это известно? Я ведь беспартийный.

— Парторганизация все должна знать и все знает, — убежденно ответил Виктор.

Вскоре Виктор Титов ушел из университета. Встретил я его во дворе с пачкой книг. Шел он задумчивый.

— Вот иду в библиотеку учебники сдавать. Ухожу из университета, больше не буду учиться.

— Что случилось? Почему?

— Партия посылает на работу в органы госбезопасности. Так надо, Женя.

Лишь после войны мы случайно встретились. Затем опять долго не виделись. Наконец, пришла от него весточка, что он находится, как говорят, «на заслуженном отдыхе», живет в Москве, у него уже взрослые внуки. Мы встретились вновь в 1984 году. Стали переписываться, перезваниваться. Однажды позвонила его дочь и сообщила печальное известие: «Скончался папа. Я хочу, чтобы вы знали, что он всегда хорошо о вас говорил». Спасибо ему за все.

Среди профессоров, читавших нам лекции на первом курсе, многие сразу завоевали нашу симпатию. В первую очередь надо назвать Ивана Дмитриевича Удальцова, читавшего курс политической экономии.

Лекции Ивана Дмитриевича были содержательными и доходчивыми. Это было очень важно, так как в то время учебников по политэкономии не существовало и единственная книга, которую мы изучали (именно изучали, а не читали), была «Капитал». Иван Дмитриевич обладал широкой эрудицией, культурой речи, был всегда подтянут и опрятно одет. Все это imponировало нам. К тому же мы знали, что Иван Дмитриевич еще в 1905 году возглавлял подпольную организацию большевиков в Московском университете. Знали и о том, что он встречался с Лениным до революции, на квартире у своего брата.

Иван Дмитриевич пропустил одну лекцию, по заданию ЦК партии уехал из Москвы в командировку. Его подменили профессором Хвалисом, который читал лекции в этой же аудитории гражданскому потоку, где резко преобладали девушки. Было такое впечатление, что кто-то сыграл злую шутку. У профессора был далеко не «профессорский» вид: измятый грязный костюм, всклокоченные волосы, бритва давно не прикасалась к самодовольному лицу. В руках, как полагается, конспект.

Обращение к аудитории: «Ну, чему вас обучает проф. Удальцов? И как он это делает?» Поднялся географ Юра Васильев и звонким голосом со своего места рассказал о методике изучения «Капитала», да и вообще политэкономии, которую проводит Иван Дмитриевич.

— Так кто же готов выйти на эту кафедру и своими словами рассказать абзац, который я читаю в «Капитале» Маркса?

— Если Вы разрешите мне, — говорит Юра, — я могу попробовать это сделать.

— Прошу Вас. Внимание, товарищи, сначала читаю я, — говорит Хвалис, — абзац из книги Маркса, а потом уже более подробно расшифрует нам его (как Ваша фамилия? — Васильев).

К сожалению, я даже приблизительно не помню, о чем шла речь. Кажется, о прибавочной стоимости. Но в конце концов это принципиального значения не имеет. Юра громко и четко рассказал, как он понимает написанное Марксом. Аудитория аплодировала. Хвалис: «Удачно, очень удачно получилось, но ведь не каждый же из вас может это сделать с другими формулировками «Капитала». Поднялось довольно много рук. Реакция Хвалиса: «Скоро окончание лекции. На этом сегодня и закончим». Реакция Ивана Дмитриевича Удальцова после возвращения — молчание, никаких к нам вопросов, как будто ничего не было, хотя встретили мы его аплодисментами. Реакция ректора университета Александра Сергеевича Бутягина: через два года Хвалис был отчислен из МГУ; по-видимому, не так это просто было сделать.

Сейчас мы знаем, что в 1935–1936 годах уже проходили массовые репрессии, а на нашем факультете этого не чувствовалось и его коллектив работал в достаточно спокойной обстановке. Не слышал я об арестах студентов и преподавателей на других факультетах. А на нашем первом курсе геолого-почвенного факультета существовала обстановка доверия и доброжелательности и в то же время требовательности. Выражалась она, в частности, в том, что каждый студент должен был дать объяснение группе, почему он не был на занятиях. Причем это происходило немедленно, как только появлялся отсутствовавший, в ближайший перерыв и занимало не больше пяти минут. Но иногда в течение этих пяти минут были хоть и краткие, но очень резкие выступления. Не выполнена домашняя работа, плохой ответ на семинаре — объясни группе, в чем дело. Если надо было помочь, принималось конкретное решение. Если дело в том, что ты лодырь, то держись. Бывало, принималось такое решение: если еще раз повторится, ходатайствовать перед деканатом, чтобы перевели в другую группу, не желаем с таким учиться. И этого было достаточно. Никто из группы уходить не хотел.

Спокойную обстановку в университете во многом создавал его ректор, Алексей Сергеевич Бутягин, соратник С.М. Кирова во время гражданской войны. Во френче и пенсне он имел какой-то особенный интеллигентный вид. Человек очень мягкий, может быть, даже слишком мягкий для должности ректора, он в большинстве случаев мог добиться того, что считал принципиально важным для университета. До назначения Бутягина ректором в университете были тяжелые времена, когда «вырывали» отдельные факультеты и на базе их создавали институты. Могут понять необходимость создания медицинских институтов на базе медицинского факультета, но выделение гуманитарных факультетов в отдельные институты (ИФЛИ, юридический) — бессмыслица, которая усугублялась тем, что Московскому университету в то же время было присвоено имя М.Н. Покровского (видного советского историка и политического деятеля, зам. наркома просве-

щения РСФСР. — Прим. ред.). Дело в том, что до Октябрьской революции Московский университет был «императорским». Необходимо было срочно его переименовать. Я не историк и не могу судить, насколько удачно слово «императорский» было заменено фамилией Покровского, но это было сделано. Так что в 1935 году я поступал в Московский государственный университет имени Покровского. С большим трудом ректор МГУ Бутягин добился снятия из названия Московского университета «имени Покровского».

Когда я уже учился на четвертом курсе, в 1940 году Бутягин опять «добился» постановления правительства о праздновании 185-летия Московского университета. Странный это был юбилей. Из-за рубежа приехал только ректор Братиславского университета. Торжественное заседание проходило в Колонном зале Дома Союзов. Небольшая группа профессоров и преподавателей университета была награждена орденами. Среди них — проректор Московского университета М.М. Филатов был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Университет награжден орденом Ленина и ему присвоено название Московский ордена Ленина государственный университет им. М.В. Ломоносова. Это название он носит с честью до наших дней.

Много хорошего сделал А.С. Бутягин для университета, но во время войны, к сожалению, повел себя не так, как следует вести себя ректору. Университет эвакуировался в Ашхабад, а его ректор вместе с Академией — в Куйбышев. Когда он умер, на гражданской панихиде пришедших проститься с ним можно было пересчитать по пальцам.

Что можно сказать о своем первом годе обучения в Московском университете? Окончил я первый курс на «отлично» и дальше тоже имел отличную успеваемость. Значит, не всегда вступительные экзамены показательны. Десятиклассники, сдавшие их на «отлично», имели в университете значительно худшую успеваемость, чем ребята, уже поработавшие. У первых жизнь еще не выработала то чувство ответственности, которое было уже у нас.

Лето 1936 года прошло скучно. От учебной практики по геодезии я был освобожден. Мы сняли комнату недалеко от станции Большево по Щелковской дороге, и единственным моим развлечением была полторагодовалая Нинушка.

Под влиянием моих рассказов об университете, об экспедициях к нам на факультет на первый курс поступил мой близкий товарищ Володя Пеутин, с которым мы дружили с детства. Он окончил химический техникум, работал мастером на заводе, сдал экзамены в университет и мы опять оказались рядом.

С 1 сентября 1936 года наш факультет переехал в новое, специально построенное для него здание. К концу 1936/37 учебного года почвенно-географический факультет разделился на два факультета: географический и геолого-почвенный. Таким образом, восстановилась подготовка геологов в Московском университете. Мы все трое: Заславский, Пеутин и я подали заявление на геолого-почвенный факультет. Наше желание было удовлетворено.

Деканом геолого-почвенного факультета был назначен профессор Владимир Васильевич Геммерлинг. Фигура очень колоритная. Он возглавил кафедру почвове-

дения в Московском университете в 1922 году, после кончины предыдущего заведующего кафедрой — Сабанина, будучи избран по всероссийскому конкурсу. Правда, избрание его на Ученом совете университета не было единогласным. Выступил против Владимира Васильевича академик Н.Д. Зелинский, указавший, что у того мало опубликованных работ. Но большинство членов совета отдали ему свои голоса. Уже будучи заведующим кафедрой почвоведения, Геммерлинг организовал в МГУ научно-исследовательский институт почвоведения и был его директором до 1948 года.

От кафедры почвоведения «отпочковались» кафедры физики и мелиорации почв — заведующий профессор Н.А. Качинский, химии почв — заведующий профессор Е.Л. Троицкий, географии почв — профессор Д.Г. Виленский и моя родная кафедра грунтоведения — заведующий профессор М.М. Филатов. Геммерлинг не только не противодействовал этому процессу, но и всячески способствовал ему, желая с помощью этих кафедр дальше развивать «в глубину» почвенную науку, независимо от того, какие личные отношения у него складывались с человеком, который намечался на должность заведующего будущей кафедрой. Меня радует, что между В.В. Геммерлингом и М.М. Филатовым, являвшимся тогда проректором Московского университета им. М.Н. Покровского по учебной работе, всегда были ровные деловые отношения, и попытки «столкнуть» их никогда успеха не имели. Поэтому, когда был поставлен вопрос об организации кафедры грунтоведения во главе с М.М. Филатовым, он был решен деканом Геммерлингом быстро и положительно. При активном участии Геммерлинга была создана кафедра агрохимии, которой первое время заведовал академик Д.Н. Прянишников, и воссоздана кафедра геологии, которой заведовал профессор А.Н. Мазарович.

В значительной степени благодаря Геммерлингу в Московском университете возникло крупное почвенное отделение, сложилась школа почвоведов. Позднее (в 1973 году) это позволило создать в Московском университете первый в мире (среди университетов) самостоятельный факультет почвоведения. Если бы было принято присваивать факультетам имена ученых, то факультет почвоведения МГУ следовало бы назвать «имени В.В. Геммерлинга». Факультет почвоведения под руководством известного ученого члена-корреспондента АН СССР, сейчас действительного члена (академика) Российской академии наук, Г.В. Добровольского — ученика Геммерлинга — в основном сохранил традиции, которые возникли при Геммерлинге. Руководящие должности на факультете занимают его ученики и ученики его учеников. Так, на пост декана факультета в 1990 г. был избран профессор А.Д. Воронин — ученик Г.В. Добровольского, «научный внук» Геммерлинга. Я думаю, что главной заслугой Геммерлинга и было создание школы почвоведения Московского университета.

Владимир Васильевич, по национальности немец, родился в России, в Поволжье. Его семья была одной из тех, кто приезжал в Россию по приглашению правительства осваивать пустовавшие в то время плодороднейшие приволжские черноземы. Владимир Васильевич Геммерлинг считал Россию своей родиной. Могу об этом смело говорить, потому что сам он мне расска-

зывал о своем участии в Первой мировой войне с Германией, о том, как ему удалось подняться в атаку русских солдат при первой химической атаке хлором с нашей стороны. Один из великих князей дома Романовых, наблюдавший за ходом этого боя, лично вручил ему высокий орден «Владимир с мечами». Я уверен, что все так и было, как он рассказывал. Он был человеком, не способным что-либо «приукрасить», а тем более солгать. Перед войной его приняли в партию. Высокий, несмотря на возраст, статный, дородный, он был очень представителен. Говорил басом, всегда держался по-солдатски прямо, ни перед кем не заискивал и поэтому производил впечатление человека сурового. Студенты побаивались Владимира Васильевича и совершенно напрасно. Он тянулся к молодежи и даже искал у нее опоры, поддержки, но никогда не либеральничал, не игрывал с ней.

Владимир Васильевич страдал какой-то странной болезнью, о которой я ни от кого больше не слышал. Он немедленно засыпал на всех собраниях, заседаниях и даже во время экзамена. Голова держалась прямо, но глаза закрывались и раздавался богатырский храп. В то же время он все слышал во сне. В этом я убедился на собственном опыте. Во время экзамена, когда я рассказывал об исследованиях Гедройца по обменной способности почв в отношении катионов, а Владимир Васильевич всюду храпел, он вдруг встрепенулся, открыл глаза и уставился на меня: «Что, что Вы сказали?» Я сразу сообразил, что ошибся и сформулировал свой ответ по-другому.

— Ну, вот теперь правильно, — с удовлетворением отметил он и снова захрапел.

Из всех профессоров почвенных кафедр больше всего я получил знаний и навыков ведения научной работы от Евгения Петровича Троицкого. Он вел у нас на втором курсе занятия по качественному и весовому анализу, которые проходили в лабораториях химфака, и силикатный анализ на четвертом курсе. Небольшого роста, полный, с довольно длинными волосами, всегда в темных очках, всегда спокойный, говорил негромко. У него, как и у Геммерлинга, тоже мало было опубликованных работ, но это не мешало ему быть очень хорошим педагогом. Не потому, что он обладал ораторскими способностями. Евгений Петрович и на лекциях, и особенно на практических занятиях учил студентов главному — думать.

Со мной, например, был такой случай. Чтобы получить зачет по качественному анализу, надо было побеседовать с преподавателем несколько раз по отдельным группам катионов и анионов, предварительно определив их содержание в колбе, которую студент получал от преподавателя. Мне казалось, что я все определил верно, выгучил все реакции, которые при этом протекали. И первым из группы подошел к Евгению Петровичу с просьбой побеседовать со мной:

— Евгений Петрович, можно Вам сдать первую группу катионов?

— Хе-хе-хе. Сдать и забыть. Пожалуйста. Так что у Вас было?

Я назвал, какие катионы были определены. Евгений Петрович посмотрел в своей записной книжечке и подтвердил, что все верно.

— Ну, а как же Вы их определяли?

Я начал рассказывать. И посыпались вопросы: «А почему?». Каждый раз, когда я отвечал, следовал вопрос: «А почему?». Мы давно уже отошли от реакций, описанных в учебниках. Дошли до строения атома. Речь шла об орбитах, на которых вращаются электроны и т.п. Естественно, что чем дальше мы уходили от учебника, тем труднее мне было отвечать. Я начал задумываться, а потом и замолчал совсем. Евгений Петрович сказал: «Да, над этим стоит подумать. Подумать всегда стоит. А Вы говорите «сдать». Вот будете сдавать следующую группу катионов, к этим вопросам и вернемся». Встал и пошел между лабораторными столами. Я сидел и думал: как же так получилось? Считал, что все знаю, а оказывается, ничего не знаю. И стал читать книги по химии, уже не для того, чтобы сдать зачет, а для того, чтобы найти ответ: «почему?».

Когда я снова пришел к Евгению Петровичу, он произнес всего два слова: «Давайте зачетку». Поставил «зачет» и спрашивать не стал. А у меня с той первой встречи с Троицким всегда всплывает вопрос: «а почему?».

Евгений Петрович, как я сейчас понимаю, и на 10% не использовал своих способностей. Нет, это не значит, что он не работал. Он много читал научной литературы, многое знал из самых разнообразных областей химии. Но эти все знания оставались при нем, он приобретал их как бы для собственного удовлетворения. Ни он сам, никто другой перед ним не поставил большой цели в жизни, а по своей натуре человек он был неорганизованный. Вот пример. Собралась наша группа еще на втором курсе в лаборатории аналитической химии химфака. Должен прийти Евгений Петрович и каждому дать контрольную задачу. Времени на качественный анализ отводилось шесть часов, а работать можно было целый день. Проходит час, Евгения Петровича нет. Идет второй час — его все еще нет. Я и Марк Заславский, как самые нетерпеливые, решили сходить к нему в кабинет и узнать, на работе он или, может быть, заболел. Робко стучусь в дверь. Ее открывает сам Евгений Петрович и рассматривает нас через свои темные очки.

— Евгений Петрович, Вы не забыли, что у Вас занятия по качественному анализу?

— Заходите, пожалуйста. Нет, не забыл. Но знаете, у нас ужасно плохо работает учебная часть. Подумайте только, на одни и те же часы поставили мне занятия у вас по качественному анализу и на четвертом курсе по силикатному анализу. Вот сидишь, думаешь, думаешь: куда пойти? Так время и проходит. Сейчас к вам приду. — Все это было сказано серьезно, без тени юмора.

В 1940 году проходило упорядочение занимаемых должностей в соответствии с учеными степенями и званиями. Все старые профессорские звания, ранее присвоенные, были отменены. Профессор должен был иметь докторскую степень. У Евгения Петровича докторской степени не было. Об этом он своевременно не побеспокоился, да и не за что было ее присваивать, работы не оформлялись, не публиковались, все, как я уже говорил, делалось «для себя». Евгения Петровича должны были перевести с должности профессора на должность старшего преподавателя. Этим обстоятельством он был потрясен, у него опустились руки.

Вот тут вмешались мы, его ученики, пытаюсь доказать Евгению Петровичу, что он должен и, главное, может быстро написать докторскую диссертацию, а мы

сделаем все, чтобы отсрочить его перевод на должность старшего преподавателя.

Евгений Петрович воспрянул духом, через несколько месяцев закончил работу над докторской диссертацией. По своему содержанию работа, по-видимому, была глубокой. Так ее оценили ученые и специалисты, работавшие в области химии почв.

По окончании третьего курса нам надо было сделать выбор — почвенное или геологическое отделение. Я выбрал геолого-почвенный факультет под влиянием профессора А.В. Костюкевича и, казалось бы, мне надо было записаться на геологическое отделение. Но мы оба с Марком выбрали почвенное отделение. Я это сделал в значительной степени под влиянием профессора Е.П. Троицкого. Это он показал нам, какими могут быть интересными исследования в области химии почв. На третьем курсе надо было выбрать и кафедру, по которой студент хотел специализироваться, так как на IV и V курсах было уже много кафедральных спецкурсов.

Мы с Марком стояли перед расписанием занятий и анализировали, что нам придется изучать, если мы пойдем на ту или иную кафедру. Дошли до кафедры, о которой раньше ничего не знали, до кафедры грунтоведения. Смотрим перечень предметов. Грунтоведение, механика грунтов, основания сооружений, инженерная геология, мерзлотоведение и др. Все стало ясно — эта кафедра занимается изучением почв и горных пород в связи со строительством. Как всегда, у нас с Марком сразу же возникло общее решение: это как раз то, что нам нужно. Ведь в нашей стране такое огромное идет строительство и чем дальше, тем оно будет больше. Надо подробнее разузнать об этой кафедре. Чем больше мы узнавали, тем больше нравилась нам кафедра грунтоведения.

Первые курсы по грунтоведению стал читать профессор кафедры почвоведения Михаил Михайлович Филатов в 1925 году. Эти спецкурсы были связаны с дорожным строительством. На базе их в рамках кафедры почвоведения в 1930 году возникла новая специализация — грунтоведение. Ее организатором явился Филатов. А в феврале 1938 года, т.е. когда мы были студентами третьего курса, была создана кафедра грунтоведения. Ее заведующим утвердили, естественно, человека, который все начал с нуля в этой области, — Михаила Михайловича Филатова.

Как мы и предполагали, кафедра грунтоведения изучала в связи со строительством не только почвы, но и горные породы, главным образом рыхлые четвертичные отложения. На кафедре проводились хозяйственные работы по изучению растворимости соленосных пород и самих солей из района Соликамска в связи с проектированием в этом районе на Каме гидроэлектростанции. Все это нам очень понравилось, и мы с Марком подали заявление на кафедру грунтоведения.

Михаил Михайлович много рассказывал нам, студентам, о том, как, будучи студентом Московского университета, он участвовал в революции 1905 года. Вместе со студентами-медиками Филатов оказывал помощь рабочим Красной Пресни, раненым на баррикадах. И это, по-видимому, стало одной из причин, почему не было удовлетворено ходатайство заведующего кафедрой почвоведения профессора А.Н. Сабанина об остав-

лении Филатова на кафедре почвоведения для подготовки к профессорскому званию. По окончании университета Михаил Михайлович долго оставался без работы. Он пытался поступить в Киевский университет, но ему в этом было тоже отказано. В деле Михаила Михайловича, хранящемся в архиве МГУ, сохранился конфиденциальный запрос ректора Киевского университета о Филатове и его политических взглядах. Копия ответа Московского университета отсутствует. Но можно догадаться о ее содержании. Ему отказали.

Несмотря на то что Филатов родился и вырос в довольно богатой семье, он сочувствовал революционному движению и не боялся жизненных трудностей. Первые его экспедиционные работы проходили в тяжелых условиях Забайкалья. Михаил Михайлович первым из профессоров геолого-почвенного факультета вступил в партию большевиков. После Октябрьской революции в середине двадцатых годов Филатов работал проректором по административно-хозяйственной части, а с 1939 года и до самой своей смерти (1942 г.) — проректором по учебной работе. Он не боялся организационной работы. Она ему нравилась, а совмещать большую организационную работу с научной и педагогической деятельностью — ох, как нелегко! В 1939 году в связи с 60-летием Михаила Михайловича ему присвоили звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». В связи с 185-летием Московского университета Михаил Михайлович был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Михаил Михайлович выглядел старше своих лет. Его старили морщины. Беспокоило сердце. В отношениях с людьми он был сдержан, уравновешен, но всегда поддерживал своих учеников.

Михаил Михайлович написал первый учебник по грунтоведению. Возникли трудности с его изданием. «Дориздат» был согласен издать его, но при условии, что будет добавлена глава по дорожным изысканиям и книга получит другое название, отражающее специфику «Дориздата». Михаил Михайлович согласился, и в 1936 году вышел его учебник «Основы дорожного грунтоведения». Эта книга была большой научной заслугой Филатова, так как в ней вопросы грунтоведения излагались с генетических и физико-химических позиций.

Нам, студентам, приятно было видеть, с каким уважением к Михаилу Михайловичу относятся другие ученые. К нему из Ленинграда часто приезжали посоветоваться Вениамин Васильевич Охотин — заведующий кафедрой грунтоведения Ленинградского университета, Борис Михайлович Гуменский, работавший в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта. Хорошие отношения были у Михаила Михайловича с Иваном Михайловичем Сумгиным, одним из основателей нового направления в науке — мерзлотоведения.

Кафедра грунтоведения была небольшая. Заведующий кафедрой — М.М. Филатов. Штатных профессоров на кафедре был всего один — П.П. Смиренин и два по совместительству — И.В. Попов и Н.В. Орнатский. Они вели следующие учебные курсы и все, что к ним относилось: П.П. Смиренин — фундаменты, И.В. Попов — инженерная геология, Н.В. Орнатский — механика грунтов. Доцентом работал П.Ф. Мельников. Несколько человек по хозяйственной тематике и ассистентом — Г.Г. Рогов.

Большое значение в моей жизни помимо М.М. Филатова имели три моих учителя из числа сотрудников кафедры. Это профессора И.В. Попов, Н.В. Орнатский и доцент С.С. Морозов. Ближайшим помощником по кафедре у Филатова, самым активным в учебной и научной работе, был Сергей Сергеевич Морозов. Он помогал во многих вопросах М.М. Филатову, и в частности в организации курса «Техническая мелиорация грунтов». Сергей Сергеевич вел у нас практические занятия по грунтоведению. Объем их был большой — 180 часов, и продолжались они до конца четвертого курса. На пятом курсе я выполнял спецработу под руководством Сергея Сергеевича (дипломных работ тогда не было), зашел к нему посоветоваться по поводу темы спецработы.

Сергей Сергеевич подумал и сказал:

— Возьмите теплоту смачивания грунтов.

В курсе общего грунтоведения это свойство не рассматривалось. Поэтому, естественно, я спросил: «А что это такое?».

— При смачивании сухого грунта выделяется теплота, но природа этого явления неизвестна. Попробуйте разгадать.

Совет Сергея Сергеевича оказался очень удачным. Моя спецработа докладывалась на юбилейной научно-студенческой конференции МГУ, превратилась затем в кандидатскую диссертацию, которую я защитил, вернувшись после ранения с фронта в 1944 году. Поэтому я искренне считаю, что путь в науку мне указал Сергей Сергеевич Морозов.

У Сергея Сергеевича была исключительная память. Он помнил житейские мелочи и уж конечно хорошо помнил, когда, где и что опубликовано. Часто я пользовался его консультациями. Сергей Сергеевич был очень добрым человеком. Пожалуй, единственным его недостатком, мешавшим ему в работе, была некоторая флегматичность и медлительность. Но это возмещалось тщательностью экспериментов, которые он проводил. Каждой опубликованной цифре можно было верить безоговорочно. Впоследствии у нас установились дружеские отношения, мы часто вместе проводили отпускное время. Его супруга, Анна Дмитриевна, которая в результате ртутного отравления потеряла зрение, из-за своей болезни не всегда могла быть вместе с нами. А Сергея Сергеевича наша семья устраивала. И в картишки он любил сыграть и в то же время по делам поговорить. И всегда удивлялся: «Да как же Вы этого не помните?». — «Сергей Сергеевич, так уж больше 5 лет прошло». — «Ну, 5 лет — это вообще не срок».

Когда я защитил докторскую диссертацию и был утвержден в звании профессора (1953 г.), Сергей Сергеевич передал заведование кафедрой грунтоведения мне, оставшись в должности профессора. Но и тогда я продолжал у него многому учиться, не только в научном, но и в житейском плане.

Совсем другим человеком был профессор Николай Васильевич Орнатский, читавший курс механики грунтов. Его можно охарактеризовать как человека очень собранного, четкого, энергичного. Лекции его по механике грунтов были строго логичными, хорошо увязанными между собой; их можно было назвать блестящими. Подготовка студентов для понимания этого курса была слабая: небольшой курс сопромата, который чи-

тал нам сам профессор Орнатский, а практические занятия проводил доцент Александр Яковлевич Тулаев. Учебника по механике грунтов не было. А курс был очень важным и нужным. Мы старались ни в коем случае не пропустить лекции Николая Васильевича. Я помню хорошо, что, болея ангиной, с температурой 38°, в зимнее время я приехал на последние вечерние часы занятий в университет, чтобы не пропустить лекцию Орнатского. Николай Васильевич был требовательным педагогом. Не скрою, мне очень приятно, что в моей зачетной книжке стоят отличные оценки, выставленные Николаем Васильевичем, так же он оценил мои знания и на госэкзамене по механике грунтов.

Мне не пришлось слушать лекции профессора Ивана Васильевича Попова по инженерной геологии. А между тем, это человек, у которого я многому научился. Больше того, это один из моих любимых учителей. Имея широкий круг геологических интересов, именно Иван Васильевич взял на себя инициативу написать многотомную монографию «Инженерная геология СССР». Правда, из этого ничего не получилось, но я думаю, что в таком масштабе, как была запланирована книга, она вряд ли могла быть написана одним автором. Но ведь инициатива, постановка самого вопроса принадлежали Ивану Васильевичу. «Инженерная геология СССР» и в то же время физико-химические процессы, происходящие в высокодисперсных, многофазовых грунтах; влияние их на различные инженерные сооружения — все это интересовало Ивана Васильевича. И при этом я никогда не назвал бы это «верхоглядством». Нет, более точно подходит выражение «широкий круг вопросов».

Иван Васильевич Попов был из дворянской семьи, традиционно служившей на флоте, и готовился стать морским офицером; но когда его отчислен из морского корпуса за «левые» убеждения, он тут же пошел вольноопределяющимся на фронт в артиллерию. «А разве не все равно в каких частях защищать Родину». Эту фразу я сам от него слышал. Во время гражданской войны Иван Васильевич не служил ни в Красной армии, ни у белых. Уехал в Нижний Новгород, и отсюда, возможно, появился у него интерес к инженерной геологии Волжских и других водохранилищ при использовании их энергетических ресурсов.

Жизнь близко свела меня с Иваном Васильевичем Поповым и с его семьей. Иван Васильевич был у меня официальным оппонентом по кандидатской диссертации и «черным» оппонентом по докторской диссертации. Но это не главное. Главное — я постоянно учился у Ивана Васильевича при совместной работе на кафедре, во время совместного отдыха, учился не только работе, но и жизни.

Один раз он со своей супругой Татьяной Николаевной и я со своей женой Александрой Михайловной отдыхали в академическом санатории в Кисловодске. Задерживался ужин, и администрация санатория решила заполнить невольную паузу бальными танцами в фойе. Заиграли вальс, и Иван Васильевич (ему уже было под 70 лет) пригласил мою супругу на тур вальса. У Шуры была натерта нога, и она благоразумно отказалась. Тогда Иван Васильевич на следующий вальс с такой же просьбой обратился к пышной брюнетке, до этого выделившейся среди прочих пар первого вальса. Та с

удивлением посмотрела на «старичка», ее пригласившего, и, наверное, решив сделать его более скромным и осмотрительным, дала свое согласие. Через 10 минут она уже кричала: «Ради бога посадите меня, я больше не могу кружиться в таком темпе!» А Иван Васильевич, посмеиваясь, направился вместе со всеми на ужин. Почему я так много внимания уделил этому маленькому эпизоду? Я был рад, что у моего учителя еще много осталось жизненной энергии. И невольно подумал: вот с кого надо брать пример.

В 1959 году тепло отметили в Московском университете 70-летний юбилей Ивана Васильевича. Я делал доклад о его научной, педагогической и общественной деятельности. На следующий день он пришел ко мне и сказал:

— Евгений Михайлович, я знаю, что на юбилеях всегда преувеличивают достижения юбиляра, но если хотя бы половина того, что вы говорили, правда, то я, наверное, имею моральное право попросить у вас рекомендацию в партию. — В партию он был принят единогласно. В наше время это не звучит так сильно, как тогда, но и сейчас вряд ли кто подумает, что в 70 лет человек вступал в правящую партию из-за карьеристских целей, а кто знал Ивана Васильевича, у того и мысли такой не могло зародиться. Думаю, что этот шаг был сделан в расчете на то, что будучи в партии он сумеет принести больше пользы своему народу, своей Родине.

Филатов, Попов, Орнатский, Морозов, Троицкий — вот мои наиболее любимые учителя. В своей научной работе я старался развить некоторые положения, начатые в их работах, привлекая для этого уже своих учеников, работающих над кандидатскими диссертациями.

Когда после войны ввели докторские и кандидатские ученые степени, звания профессоров и доцентов и, главное, стали строго приводить в соответствие с ними звания и ученые степени давно работавших в вузах и научно-исследовательских институтах людей, и переводить некоторых из профессоров в преподаватели. Я очень был обеспокоен судьбой С.С. Морозова и Е.И. Троицкого. Но, к счастью, у Сергея Сергеевича Морозова был собран и проанализирован большой материал по грунтам Калининской области (Тверь), который он все откладывал до окончательной обработки из-за других дел. В создавшейся обстановке «все другие дела» были отброшены и написана докторская диссертация, которую он защитил, а ВАК ее утвердил. А вслед за докторской степенью пришло (теперь уже официально) и профессорское звание. Е.П. Троицкий написал небольшую докторскую диссертацию (стр. 70–80) по химии почв и тоже был утвержден в степени доктора и звании профессора.

В моей зачетной книжке стоит подпись Иннокентия Петровича Герасимова, академика, известного учено-географа. В то время он был еще сравнительно молодым профессором. Когда мы с Марком обратились к нему с просьбой принять у нас досрочно экзамен по геоморфологии, Иннокентий Петрович ответил:

— Хорошо, но при условии — спрашивать буду в объеме двух томов учебника И.С. Щукина «Геоморфология».

Курс геоморфологии, который читал нам Иннокентий Петрович, был кратким. И вдруг такое условие:

знать два тома учебника Щукина, по которым готовились студенты, специализировавшиеся по геоморфологии. Но делать было нечего, и мы «засели за Щукина». За месяц мы одолели эти два тома. Явились на экзамен. Но обстановка сложилась так, что Иннокентий Петрович торопился и не мог уделить нам много времени.

— Щукина вы действительно читали, но лекций моих не слушали. Поэтому больше, чем «хорошо», поставить не могу.

Так, против графы «геоморфология» появилась отметка «хорошо». А знали мы ее действительно на «отлично».

Университет я закончил с двумя «хорошими» оценками: по геоморфологии и физической химии. По всем остальным предметам экзамены прошли на «отлично».

Наиболее тесные связи кафедра грунтоведения поддерживала с кафедрой физики и мелиорации почва, которой заведовал профессор И.А. Качинский, с кафедрой географии почв, заведующий которой Дмитрий Гермогенович Виленский вскоре сменил на посту декана геологического факультета В.В. Геммерлинга, с кафедрой исторической геологии и кафедрой минералогии. Заведующие двух последних кафедр были не только известными учеными, но и интересными людьми.

Кафедрой исторической геологии заведовал известный ученый А.Н. Мазарович, всегда куда-то «стремившийся», с необычайной энергией и инициативой. Вот эта особенность его характера отрицательно сказывалась на качестве его лекций. Стремление как можно больше дать материала на лекции не всегда себя оправдывает.

Заведующий кафедрой минералогии Г.П. Барсанов, наоборот, был очень спокойным человеком, и может быть, это качество спасло ему жизнь на войне. Говорят: «Сапер ошибается один раз», и еще: «Тот не ошибается, кто ничего не делает». Георгии Павлович пошел на войну, имея написанную докторскую диссертацию. Он был сапером и ошибся. Ему повезло, он остался жив, но защитить диссертацию в обычном порядке не мог из-за полученной контузии. Ее зачитали, а на вопросы диссертант отвечал в письменном виде — в то время речь еще полностью не восстановилась. Я не мог не вспомнить об этом потому, что это характеризует его как человека, преданного и Родине, и науке.

Одним из первых академиков, приходивших на геолого-почвенный факультет, когда он был еще на Моховой, и по существу руководивших кафедрой палеонтологии, был Юрий Александрович Орлов. Он быстро познакомился и с преподавателями, и с сотрудниками факультета, любил побалагурить, пошутить, вызвать смех, оживление у людей, доставить им пусть коротенькую, маленькую, но радость.

Прошло много лет, а я до сих пор помню его рассказ о своей первой поездке за границу после окончания войны, на какой-то форум ученых. Писатели не преувеличивают, когда они в свои произведения обязательно включают сотрудников органов разведки и контрразведки, участвующих во встречах и заседаниях такого рода. В этом я сам убедился позже, но тогда, после окончания войны, слышать это было несколько неожиданно. Вот что примерно рассказал Юрий Александрович, когда закончилось обсуждение научных вопросов:

— Хочу Вас немного повеселить. Я ездил без переводчика, так как хорошо знаю основные европейские

языки. И это обстоятельство уже насторожило сотрудников КГБ, присутствовавших в шумной толпе во время большого перерыва. Вдруг слышу за своей спиной такое указание на испанском языке: «Вот за этим русским посмотри, что-то он себя чувствует, как рыба в воде, свободно владеет английским, французским и немецким языками». Я поворачиваюсь и говорю: «А самым любимым моим языком является испанский. Да к тому же у меня слух хороший. Давайте познакомимся, академик и профессор Московского университета Орлов, но, к сожалению, не граф». Если бы вы видели лица этих двух товарищей! — И Юрий Александрович весело смеется, а за ним и мы, его слушатели.

Мне в студенческие годы пришлось обучаться у многих талантливых педагогов. На первом курсе хорошо запомнились лекции Кречетовича по ботанике и Буровой по общей химии. На третьем курсе прекрасно читал лекции по диалектическому и историческому материализму профессор Светлов. Остались в памяти занятия по кристаллографии минералогии и петрографии Игоря Владимировича Лучицкого. Уже один перечень курсов показывает, какой широкий профиль подготовки получали студенты геолого-почвенного факультета.

На первом курсе меня избрали профоргом группы, а осенью тридцать шестого года, на втором курсе — в профком факультета. У меня установились добрые отношения с парторгом Титовым, я старался помогать ему в общественной работе, чем мог. Однажды он спросил меня, почему я не вступаю в комсомол? А я уже решил для себя, что хоть и не очень удобно «женатнику» вступать в комсомол, но надо все объяснить ребятам, почему так поздно я подаю заявление. Мне было неловко перед своими товарищами, что я не комсомолец. Поэтому я ответил, что давно готов вступить в комсомол, если ребята дадут мне рекомендацию. Рекомендацию мне дали. И на нашей комсомольской группе, и на бюро факультета, на общем собрании факультета, в комитете комсомола университета и на бюро Краснопресненского РК ВЛКСМ я очень волновался, так как каждый раз приходилось объяснять, почему так поздно вступаю в комсомол и почему у меня... тетка оказалась за границей.

А было так. Старшая сестра мамы года за два-три до моего рождения познакомилась в Москве с молодым красивым сербом, вышла за него замуж и уехала к нему на родину. Все уговаривали ее этого не делать, но она была непреклонна. Потом — мировая война и революция в России, образование Югославии — все это не дало ей возможности приехать на Родину, навестить своих родных. Первое время после революции между сестрами была переписка. Потом отец стал иметь отношение к закрытым работам и запретил маме отвечать на письма. Несколько писем тети Жени остались без ответа, и переписка прекратилась. Вот все это и приходилось рассказывать при приеме в комсомол и потом — в партию. Приятного в этом мало. Время было суровое. Ведь в комсомол меня принимали в 1937 году, а в кандидаты в члены ВКП(б) — в 1938 году.

Получилось так, что я вступил в кандидаты в члены партии в 1938 г. в разгар сталинского террора, когда уничтожались лучшие партийные кадры, уничтожалась ленинская гвардия. Хотя истинное положение в стране мало кому тогда было известно. Тысячи коммунистов,

многие мои товарищи, пополняли ряды партии, ничего не зная о сталинском терроре. Среди них был и я.

Осенью 1937 года я был избран в состав профкома МГУ, и мне было поручено руководство учебно-производственной комиссией профкома университета. В то время в университете были две профсоюзные организации: одна объединяла сотрудников, и ее возглавлял местком университета, другая была профсоюзная организация студентов во главе с профкомом МГУ. Надеяться на «старших» мы не могли, самим надо было решать все вопросы. Я понимал, что профком и, в частности, наша комиссия должны работать в тесном контакте с вузком ВЛКСМ университета. Там учебную комиссию возглавлял очень энергичный, умный и инициативный студент химического факультета Леня Агрономов. Мы хорошо с ним сработались.

Некоторые вопросы, связанные с улучшением организации учебного процесса, мы не могли решить своими силами без помощи ректората. Поэтому мне пришлось довольно часто обращаться к ректору университета Алексею Сергеевичу Бутягину. Алексей Сергеевич всегда внимательно относился к нашим просьбам и предложениям и охотно их поддерживал, если считал разумными. Еще чаще приходилось обращаться к проректору по учебной работе Григорию Ивановичу Двухшерстному. Он был выдвинут на эту работу с должности доцента механико-математического факультета. Проработал Григорий Иванович проректором недолго: его перевели на работу в Наркомпрос РСФСР. На его место пришел Василий Васильевич Потемкин — очень яркая, колоритная фигура. Говорили, что он пришел в университет с должности главного врача ЦК партии.

Вспоминая свои первые шаги в составе профкома МГУ, я думаю, что наряду с хорошим, что было сделано, были и промахи, объяснявшиеся моей неопытностью. В мае 1938 года проходило Первое Всесоюзное совещание работников высшей школы. На совещании выступали руководители вузов, профессора и очень мало студентов. Я был увлечен тогда идеей социалистического соревнования в вузах и попросил слово для выступления, указав, по какому вопросу хочу говорить. С.В. Кафтанов (председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. — Прим. ред.) сразу предоставил мне слово, потому что этой темы никто раньше не касался. Выступил я неудачно. Слишком обще. В отличие от меня хорошо выступила студентка первого курса Библиотечного института, которая горячо говорила об отсутствии учебников, о необходимости их создания.

На совещание приезжал Молотов, бывший в то время председателем Совнаркома, он посидел в президиуме, листая стенограмму выступлений участников совещания, а затем выступил сам. Основная идея, которую он высказал, была та же, что и у студентки Библиотечного института: необходимы хорошие учебники. После отъезда Молотова Кафтанов объявил, что правительство приглашает участников совещания на прием в Кремль на следующий день, 17 мая. Пригласительные билеты мы получили утром 17 мая. В пять часов я впервые в своей жизни прошел через Спасские ворота в Кремль. Вошел в Кремлевский дворец, через главный подъезд поднялся вверх по величественной лестнице из белого мрамора, повернул направо и вошел в один из краси-

вейших залов дворца — Георгиевский. Он весь был уставлен сервированными столиками, а вдоль белых мраморных стен стояли корзины красных роз. В глубине зала на небольшом возвышении виднелся стол для членов правительства. Рядом с ним небольшая сцена с роялем. К сожалению, у меня был билет не в Георгиевский зал, а в другой — Святые сени. В Святых сенях и в Грановитой палате тоже были накрыты столы. Те приглашенные, кто имел билеты туда, были несколько разочарованы, так как между ними и Георгиевским залом был Владимирский зал. Сидящие в Святых сенях и Грановитой палате могли только слушать, что говорят в Георгиевском зале, но ничего не видели.

Естественно, что весь прием был организован так, чтобы поразить воображение присутствующих. Первым выступил С.В. Кафтанов, предложил тост за советскую высшую школу, за ним студентка Библиотечного института — за Сталина. Между тостами исполнялись один-два концертных номера, и поэтому банкет затянулся. В конце его выступил Сталин. Он говорил о том, что такое передовая наука, что будущее науки принадлежит молодежи.

После выступления Сталина Кафтанов обратился ко всем присутствующим: «Товарищи! Кто желает продолжать разговор за столами, пожалуйста, продолжайте, а кто хочет потанцевать — прошу пройти в круглый зал» (Владимирский зал имеет круглую форму).

Мне было тогда 24 года, и естественно, что я был одним из первых, вошедших во Владимирский зал. Там уже играл духовой оркестр. Немного погодя во Владимирский зал вышли Сталин, Жданов, Ворошилов, Ежов, Папанин. Сталину устроили овацию. Пробыв там 30–40 минут, Сталин и сопровождающие его лица покинули зал.

Как я уже писал, председателем профкома у нас был Федор Иванович Коровин. Высокий, стройный, с выразительным лицом, веселый, всегда опрятно одетый, хотя, как правило, он носил гимнастерку, он был одним из тех коммунистов-вожаков, которые умели повести за собой студенческую молодежь. Федор Иванович был сибиряк: пришел он в Московский университет после комсомольской работы на Алтае. В партию вступил в 1927 году. У него был не только опыт организационной работы, но и политическая зрелость. Поэтому не случайно его избрали членом президиума ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений.

Меня Федор Иванович поддерживал в работе, а после того как летом 1938 года мы вместе отдыхали в Геленджике, в доме отдыха, который принадлежал профкому МГУ, у нас установились дружеские отношения. Эти отношения можно охарактеризовать как дружба между старшим и младшим. Старший — он, младший — я. Так оно и было и по возрасту, и по жизненному опыту. Я обращался к Коровину — «Федор Иванович» (между прочим, все к нему так обращались, никто не называл его «Федя»: это была дань уважения), а он называл меня долгое время «Сергеев» и только под конец своей жизни стал звать по имени и отчеству. И для меня это звучало непривычно.

Несмотря на разницу в годах, Федор Иванович в Геленджике то и дело приглашал меня в свою компанию. Он любил организовать какую-нибудь экскурсию или просто посидеть за столом и за разговором выпить ста-

кан-другой сухого вина. Немного выпить и потом попеть в компании песни, особенно свои сибирские — это он очень любил. Я фотографировал Федора Ивановича в Геленджике. На фотографиях запечатлен красавец-мужчина, способный заставить дрогнуть любое женское сердце. Женой Федора Ивановича стала студентка пединститута Галина Георгиевна Морехина, много лет проработавшая профессором и зав. кафедрой истории КПСС Московского университета. У Галины Георгиевны много учеников и еще больше опубликованных работ.

Осенью 1938 года Федор Иванович неожиданно ко мне обратился: «Послушай, Сергеев, есть у меня к тебе разговор. Переизбираться в профком я не буду, ухожу на профсоюзную работу, буду университет заканчивать по индивидуальному плану заочно. Советовались мы на партгруппе профкома, и все сошлись на твоей кандидатуре на должность председателя профкома. Говорил я и с секретарем парткома университета (тогда им был Константин Калашников, историк), он — за».

Для меня это было неожиданно. Мне казалось, что во главе профкома университета должен стоять коммунист. В общем человек такой, как Коровин. Поэтому первое, что я сказал, было: «Но ведь я не член партии».

— А ты что же, не думаешь вступать в партию?

— Да ведь я только недавно в комсомол вступил. Кто же меня в партию примет?

— Коммунисты университета, если сочтут, что ты достоин. Что касается меня, я готов тебе дать рекомендацию, если ты у меня ее попросишь.

— Спасибо, Федор Иванович. Но ведь я служащий, и мне надо пять рекомендаций от членов партии со стажем более десяти лет (такие тогда были уставные требования).

— Плохо знаешь устав. Рекомендация райкома комсомола за две считается. Неужели у тебя нет еще двух знакомых коммунистов, которые смогут тебе дать рекомендацию? (Тогда необязательно было получать рекомендацию от коммунистов с места работы. Считалось, что знание человека в быту не менее важно, чем знание его по работе. Вместе со мной принимали в кандидаты партии девушку, у которой среди рекомендующих был ее отец. Это вызвало смех в зале. Но он спокойно вышел на трибуну и сказал: «Я член партии с 1917 года и горжусь тем, что воспитал так свою дочь, что могу рекомендовать ее в партию. При этом я понимаю, какую я несу ответственность перед партией. Не вижу причин для смеха». Девушка была принята единогласно.)

— Федор Иванович, неужели Вы думаете, что я справлюсь с обязанностями председателя профкома МГУ?

— А если бы не думали, и разговора не было бы. Если захочешь, справишься.

Вот так неожиданно передо мной встал вопрос не только о дальнейшей работе в профкоме, но и о вступлении в партию. Мне тогда это казалось неосуществимой мечтой. А Федор Иванович говорил об этом так уверенно, что невольно возникла надежда, и я подал заявление в кандидаты. Меня рекомендовали кандидатом в члены ВКП(б): Ф.И. Коровин, секретарь партбюро нашего факультета Саша Андрианова, Мария Васильевна Федорова, член ВКП(б) с 1919 года и Краснопресненский РК ВЛКСМ. Прием в партию и все

другие персональные дела решались тогда на общемуниверситетском партийном собрании. Обычно собирались в Коммунистической аудитории. Несколько сот человек набивались так плотно, что и в амфитеатре, и на балконе, который тогда существовал, не только сидеть, но и стоять было тесно. Член парткома докладывал дело, и на человека, стоявшего на сцене, сыпались со всех сторон вопросы, справа, сверху, снизу, слева, с балкона. Вопросы острые, иногда не очень точно сформулированные.

Для меня это стало одним из событий, которые запоминаются на всю жизнь, которые являются определенным этапом в жизни человека. Да так оно и было. Осенью 1938 года я был принят кандидатом в члены ВКП(б), а незадолго до этого избран председателем профкома МГУ.

Федор Иванович помогал мне в работе, будучи членом президиума ЦК профсоюзов, прежде всего тем, что правильно направлял мою деятельность как председателя профкома. Вернувшись в Москву в 1943 году после ранения, я застал Федора Ивановича на работе в МГК ВКП(б), несколько раз был у него. Затем Федор Иванович работал в бюро культуры Совета Министров СССР, а я работал секретарем парткома МГУ. И когда мне надо было посоветоваться, опять заходил к нему. Когда я работал над докторской диссертацией, ездил в экспедиции, мы встречались реже. Потом Федор Иванович был назначен ректором Библиотечного института на Левобережной, реорганизовал его в Институт культуры, развернул большое строительство, пригласил на работу квалифицированные педагогические кадры. В это время я работал проректором Московского университета. Федор Иванович пригласил меня приехать посмотреть институт. Я уже был достаточно опытным администратором, чтобы понять, какая большая работа была выполнена Федором Ивановичем за короткое время.

В 1976 году Федор Иванович заболел, и я навесил его в больницу. Он был «ходячим» больным. Настроение бодрое, хорошее. Расспрашивал о жизни, о работе. Я ему поплакался, что трудно решается вопрос с развитием моей специальности, инженерной геологии.

Федор Иванович удивился и сказал:

— Слушай, ты должен по этому вопросу написать короткую, но обстоятельную записку в правительство. А я вот выйду из больницы и смогу помочь, чтобы к ней отнеслись внимательно.

Возвращался я от него в приподнятом настроении, а через несколько дней Галина Георгиевна позвонила и ошеломила словами:

— Федор Иванович скончался.

Это было большое горе не только для его семьи, но и для многих его товарищей. К числу их я отношу и себя. Сорок лет дружбы «старшего» с «младшим». Разве забудешь человека, который в твоей юности в значительной степени определил дальнейший ход твоей жизни? Рано ушел из жизни Федор Иванович Коровин — настоящий коммунист, он мог бы еще много сделать хорошего людям.

Тогда в 1938 году в профкоме МГУ у нас сложилось дружное «ядро», если так можно выразиться, которое поддерживало своего председателя: Володя Игошин — зам. председателя профкома, отвечавший за идеологическую работу профкома, студент биофака; Володя Пеу-

тин — председатель учебно-производственной комиссии, студент геолого-почвенного факультета; Петр Горшков — председатель соцбыткомиссии, студент биологического факультета; Тимофей Соколовский — председатель культурно-массовой комиссии, студент исторического факультета; Саша Буров — казначей профкома, студент механико-математического факультета.

В составе профкома от геолого-почвенного факультета были еще два студента: Петр Иванович Фадеев, мой однокашник, и Петр Петрович Тимофеев, студент первого курса, которого мы за молодость между собой ласково называли Петушком.

Петр Иванович Фадеев, кандидат геолого-минералогических наук, вместе со мной после войны работал на своей родной кафедре грунтоведения и инженерной геологии в должности старшего научного сотрудника. Здоровье у него пошаливало, и, несмотря на то что в течение длительного времени он был под наблюдением врачей, мы все-таки потеряли его.

Что же касается Петра Петровича Тимофеева — он известный ученый, лауреат Государственной премии, член-корреспондент РАН, был заместителем директора и исполняющим обязанности директора Геологического института АН СССР, заведующим кафедрой литологии и морской геологии Московского университета. Петра Петровича хорошо знают во многих странах мира.

Профком МГУ находил средства и возможности проводить большие, ответственные мероприятия, например мы арендовали Большой театр и провели там торжественное заседание, посвященное XXI годовщине Октября. Тогда несравнимо легче было достать билеты в Большой театр, чем сейчас. И все же у всех создавалось торжественное настроение от одной мысли, что мы отмечаем наш праздник в Большом театре. В клубе МГУ проходили отличные концерты для студентов. Они были бесплатными. Обычно на этих концертах выступали из артистов Большого театра Михайлов и Кругликова, тогда еще начинающая певица. Она всегда волновалась и спрашивала за кулисами: «Ну, как сегодня у меня голос, нормально звучит?» Ответом на это ей были бурные аплодисменты из зала. Но когда на сцене появлялся Михайлов, студенты устраивали овацию. Пел он перед студентами много и охотно. Михайлов любил завершать концерт «Дубинушкой». Подходил к краю сцены и говорил: «Помогайте». Запевал, а припев пел вместе со всем залом и сам им дирижировал.

Помимо концертов в клубе проходили и серьезные мероприятия. Хорошо помню выступление Марии Ильиничны Ульяновой. Много интересного рассказала она о Владимире Ильиче. Говорила о нем просто как о своем брате.

Очень интересным был доклад о международном положении В. Потемкина, который тогда был назначен заместителем наркома по иностранным делам, после длительного пребывания в Париже в качестве посла Советского Союза. С небольшим перерывом доклад продолжался четыре часа, и зал слушал докладчика, затаив дыхание. Потемкин выступал без текста, без какой-либо шпаргалки. Четыре часа прошли незаметно. А вскоре мне пришлось в составе делегации МГУ возлагать венок к постаменту, сооруженному в здании ГУМа, где стоял гроб с телом Потемкина. Вместе с нами к гробу подошел пожилой, но стройный генерал, в котором мы

сразу же узнали Игнатьева, автора книги «50 лет в строю». Долго стоял он у гроба и что-то шепотом говорил покойнику. Мы невольно подумали, что Игнатьев благодарит покойного за помощь вернуться на родину.

Еще до моего поступления в МГУ профком университета имел собственные мастерские, где изготавливались разные мелкие бытовые предметы. Студенты подрабатывали в этих мастерских. На вырученные деньги от продажи мастерских профком купил домики на побережье Геленджикской бухты. Были построены столовая и курзал, оборудован пляж. Получился отличный дом отдыха на берегу Черного моря. Студенты его очень любили.

Трудно было с дотацией со стороны профсоюза и ректората. Поэтому каждый год возникали трудности с приобретением инвентаря и дальнейшим развитием дома отдыха. ЦК профсоюза подготовил решение взять «Геленджик» к себе на баланс. Узнав об этом, я пошел к ректору Алексею Сергеевичу Бутягину с предложением взять «Геленджик» на баланс ректората. Обычно мягкий и доброжелательный, Алексей Сергеевич на этот раз занял твердую и, к сожалению, отрицательную позицию.

— Нет, никаких ваших развалюх брать на баланс я не буду. Хозяйственная часть университета и так из рук вон плохо работает.

Пришлось срочно распродать путевки на весенне-осенний период, когда студенты там не бывали. На полученные деньги все привели в порядок. Затем мы с секретарем парткома А.М. Пивоваровым уговорили ректора съездить в Геленджик, на месте все посмотреть самому.

Приехали в Геленджик в апреле. На деньги от проданных путевок все отремонтировано. Белые, чистенькие домики стоят среди цветущих деревьев. На деревьях заливаются скворцы, отливая перламутром в лучах солнца. Рядом плещет море. Как в сказку попали.

— Да, не думал я, что у профкома может быть такое хозяйство, — сказал Алексей Сергеевич.

И вопрос был решен. Санаторий остался за университетом. Во время войны он мало пострадал. Последний раз я был в нем летом 1948 года. К сожалению, в середине 50-х годов «Геленджик», как и другие ведомственные здравницы, решением правительства передали в ВЦСПС.

Отчетно-выборная профсоюзная конференция МГУ всегда проходила осенью. Так было и в 1939 году. Мне не пришлось на ней быть. В это время я служил в Красной Армии, куда был призван как младший лейтенант в связи с событиями на Западной Украине и в Западной Белоруссии. Председателем профкома был избран мой друг Володя Пеутин. Я уже перешел на пятый курс и собирался досрочно окончить университет в феврале 1940 года. Совмещать напряженную учебу с профсоюзной работой было невозможно.

В декабре 1939 года меня и Володю Пеутину Краснопресненский РК ВКП(б) в один и тот же день принял в члены партии. Меня рекомендовали в партию А.С. Бутягин, А.М. Пивоваров и секретарь парторганизации геолого-почвенного факультета Н.Н. Большев.

После заседания бюро райкома мы с Володей зашли в кафе отметить это событие. Выпили за здоровье друг друга, за нашу дружбу, за МГУ. Но окончить универси-

тет Владимиру Ивановичу не удалось. Осенью 1940 года его направили учиться в Высшую партийную школу. В начале войны он был направлен на партийную работу, организовывать работу промышленности в Сибири, затем на дипломатическую работу. Труд его отмечен правительственными наградами. 60 лет мы прошли в жизни рядом, плечом к плечу. А в 1984 году я потерял Володю — ушел он из жизни.

Военная подготовка у нас начиналась на первом и длилась до четвертого курса. Не помню, сколько часов на нее отводилось. Примерно 20% учебного времени на I, II и III курсах уходило на военную подготовку. Плюс к этому четыре месяца лагерных сборов, по два месяца после окончания второго и третьего курсов (июнь и июль). Готовили из нас командиров стрелковых взводов и присваивали звание младших лейтенантов. В зимнее время мы подробно изучали материальную часть тогдашнего вооружения пехотных войск: винтовку, ручной и станковый пулеметы, наган и пистолет ТТ, ручные гранаты. Много времени отводилось на тактические занятия, в том числе на решение задач на макете местности.

Первый раз мы выехали в военные лагеря летом 1937 года. Располагались они под Ковровом — «Ковровские лагеря». В качестве командиров рот были назначены преподаватели военной кафедры, а командирами взводов — студенты, получившие уже звание лейтенантов. Я попал во взвод, которым командовал Петр Горшков, мой товарищ по работе в профкоме МГУ, и был назначен помкомвзвода. На петлицах появились три треугольника.

Впечатлений от первого лагерного сбора осталось немного. Строевая подготовка, стрельбище, занятия по тактике и по связи. В результате первого лагерного сбора все студенты были аттестованы на должность командиров стрелковых отделений. Второй раз мы были в лагерях летом 1938 года. У всех нас были на петлицах по два треугольника. Месяц мы должны были стажироваться в должности командиров отделений. Одна из групп была направлена на снайперско-пулеметный сбор. В эту группу попал и я.

Марк Заславский, Леша Смирнов, Вася Коновалов и я были назначены в стрелковый взвод, которым командовал лейтенант Рытов. Молодой, красивый, высокий, стройный, всегда подтянутый, доброжелательный и одновременно требовательный, он был в наших глазах идеалом командира. И поэтому, когда во время Великой Отечественной войны в приказах Верховного главнокомандующего стала появляться фамилия Рытов, мне очень хотелось, чтобы это был именно наш Рытов. Так ли это? Не знаю. Да это, в конце концов, и не так важно. Самое главное, что тогда мы попали во взвод, во главе которого стоял подготовленный командир. И встретил он нас по-хорошему.

— А, студенты. Очень хорошо. У меня командиров отделений полный комплект, и все хорошие знающие люди. Но это ничего. Вы ведь стажеры и приехали всего на месяц. Вот я распределю вас по одному на отделение. Будете учиться у командиров отделений, помогать им, а если что случится, то и подмените.

Режим был такой: чередовались дни — день бега и день марша. День бега начинался с подъема. Всклакивали, бежали на озеро умываться, бегом обратно в па-

латки. Вместо зарядки пробежка в один километр. Бегом строем в столовую на завтрак, бегом строем из столовой в палатки за оружием. Бегом на стрельбище. Ходить по стрельбищу не разрешалось, можно было только бегать. Со стрельбища строем бегом к палаткам. От палаток снова строем бегом в столовую. После обеда возвращались в палатки тоже строем, но уже шагом. Какое это было удовольствие — наконец идти обычным шагом.

На следующий день марш с утра. После завтрака 800 метров быстрыми длинными шагами, 200 метров — бегом. И так весь маршрут» Не помню сейчас длину маршрутов. Они бывали разные. Когда снайперские взводы соревновались между собой, длина маршрута была 18 километров. Взвод Рытова занял второе место. Мы преодолели этот маршрут с винтовками, противогАЗами, со скатками из шинелей и с вещевыми мешками, заполненными «НЗ» и бельем, за 1 час 58 минут. Сейчас мне кажется, что это фантастически быстро. Были различные варианты маршей. Но все они заканчивались выходом на стрельбище. И прямо с марша на огневой рубеж. Пот льет ручьями, сердце колотится как сумасшедшее, руки трясутся, а надо поразить мишень.

Все ждали воскресенья — дня отдыха. Из четырех воскресений только полтора (если можно так сказать) были такими. Три воскресенья нас поднимали по тревоге, и мы шли в поход. Из этих трех воскресений два для отдыха пропали полностью, вернулись мы поздно. А на третье к ужину и после ужина было объявлено свободное время.

На танцплощадке играл духовой оркестр, и мы, естественно, направлялись туда. Там встретили своего лейтенанта Рытова вместе с женой. Ее фигура говорила о том, что она должна скоро стать матерью. Но глаза у нее горели. Видно было, что ей так хочется хоть немного потанцевать.

Леша Смирнов обратился к Рытову:

— Товарищ лейтенант, разрешите я с вашей женой немного потанцую.

— Сделай милость. Я сам, к сожалению, не танцую.

Леша бережно повел счастливую женщину, и протанцевали они в медленном темпе очень недолго. А утром разнесся слух: «У Рытова сын родился!»

После стажировки мы вернулись в основной лагерь и стали под руководством преподавателей готовиться к госэкзаменам на звание младшего лейтенанта. Кто не сдаст госэкзамен, будет служить по окончании университета в армии еще один год.

У меня слабым местом была физическая подготовка. На турнике, кольцах, брусьях требовалось выполнить довольно сложные упражнения, которые у меня не получались. Была реальная угроза получить по физической подготовке «2», а это означало быть недопущенным к другим экзаменам. Побоялся я немного и экзамена по связи: полевою радиостанцию знал слабо. Подошла очередь экзамена по физической подготовке. Экзаменующий объявил: «Сергеев, прыжок через коня в длину». Мне повезло: прыжок через коня в длину, пожалуй, было единственным упражнением, которое я довольно чисто делал. Остальные экзамены сдал без большого труда. Сдавали мы их вместе с Марком и по окончании могли поздравить друг друга со званием младшего лейтенанта.

В первых числа сентября 1939 года ночью на квартире раздается звонок. Посыльный из райвоенкомата принес повестку — к 9.00 явиться в казармы, в которых, как я знал, размещалась Первая Московская (раньше — Пролетарская) дивизия. В 9.00 я был по указанному адресу. Доложил о прибытии и получил назначение на должность командира стрелкового взвода. Через два часа уже был в форме младшего лейтенанта, с пистолетом в кобуре и запасом к нему боевых патронов, со служебным удостоверением. Превращение студента-дипломника в командира Красной Армии произошло мгновенно. Вечером нас отпустили домой отвезти гражданскую одежду и поставить в известность родных, что мы отбываем из Москвы в Алабинские лагеря.

Учения, стрельбища, походы были ежедневно с раннего утра до позднего вечера. Обучение, сколачивание воинских подразделений проходили очень интенсивно. Все взводы, в том числе и мой, были полностью укомплектованы личным составом и полагающейся материальной частью. «Солдатская почта» принесла, что нас могут в любое время погрузить в эшелоны и направить в Польшу, если произойдет столкновение при встрече советских и немецких войск. Такое не исключалось. И поэтому мы находились в резерве наркома обороны. Похоже было на правду.

Как известно, в 1939 году обошлось без этого. Наша дивизия вернулась в Москву, и началась подготовка к параду на Красной площади. В октябре был подписан наркомом обороны приказ о демобилизации студентов вузов. И я с удовольствием вернулся в МГУ.

Январь и февраль 1940 года ушли на защиту дипломных работ (назывались они «спецработами») и сдачу государственных экзаменов. Последний госэкзамен мы сдавали 29 февраля, после него получили дипломы об окончании университета и в тот же день вечером отметили это событие в уютном банкетном зале ресторана «Москва». Выпуск по кафедре грунтоведения был небольшой, всего 11 человек, в основном поступивших в 1934 году. Только Марк и я «догнали» эту группу, поступив в университет в 1935 году, благодаря полученному разрешению сдавать экзамены в течение учебного года.

Вечер наш длился недолго, у всех были какие-то свои неотложные дела. На следующий день Марк и я ехали уже в поезде Москва — Симферополь отдыхать в Крым. Бесплатные путевки мы получили в профкоме как поощрение за досрочное окончание университета и активную общественную работу. Получить их было несложно, так как мало кто из студентов имел возможность отдыхать в марте.

Еще до призыва в армию, в августе 1939 года я стал задумываться: что со мной будет по окончании университета. Мне хотелось совместить свою старую специальность топографа с новыми знаниями, полученными на кафедре грунтоведения. Смущали и бытовые условия. Жили мы втроем в проходной десятиметровой комнате, выгороженной для нас моими родителями. Жили так уже около пяти лет. Неизбежно возникали мелкие семейные неприятности. Хотелось прежней самостоятельности, как в Хабаровске, когда мы только начинали свою семейную жизнь. Шура не возражала вернуться на Дальний Восток. В то время она продолжала работать в должности геодезиста в Мосгеотресте. Сложности возникали

только с Нинушкой, которой было пять лет. Несмотря на это, я связался с представительством Дальстроя в Москве. Моя кандидатура их заинтересовала по многим причинам: и что раньше работал на Дальнем Востоке, и две специальности, имеющие отношение к строительству, и готов ехать с семьей, и жена — специалист, и анкетные данные подходят. Должность мне предложили очень интересную для молодого специалиста — начальник экспедиции по изысканиям под дорогу, которая должна была строиться на Колыме, чтобы соединить эти суровые, необжитые края с побережьем Охотского моря. Посоветовавшись с Шурой, я дал согласие.

Наступил день распределения. Это был январь 1940 года. Распределение проходило в ректорате. Председателем комиссии был начальник главка университетов Наркомпроса РСФСР, членами комиссии — представитель ректората и декан нашего факультета Дмитрий Гермогенович Виленский.

Подошла моя очередь. На вопрос «Где бы вы хотели работать?» я назвал Дальстрой. Было видно, что у председателя возражений нет. Ответ ему понравился. Но тут выступил Виленский и от имени деканата и партбюро факультета попросил оставить меня на кафедре грунтоведения. Он говорил о том, что среди преподавателей мало коммунистов, что надо укрепить новую кафедру грунтоведения, что у меня диплом с отличием, что кончаю я университет досрочно на полтора года и т.д. Это показалось председателю убедительным, и он обратился ко мне:

— А как Вы отнесетесь, если мы Вас оставим на кафедре младшим научным сотрудником?

— Я знаю мнение партбюро по этому вопросу. Но мне хочется больше на педагогическую работу, поэтому, если Михаил Михайлович Филатов и комиссия согласятся зачислить меня на должность ассистента, то я буду благодарен. А быть просто научным сотрудником мне не хотелось бы.

Председательствующий попросил соединить его по телефону с Филатовым. Михаил Михайлович сразу же дал свое согласие. И комиссия приняла решение распределить меня на должность ассистента по кафедре грунтоведения. Я с радостью подписал согласие на это распределение. Все меня поздравляли.

А вот мой друг Марк Николаевич Заславский поехал работать на Дальний Восток. Но он правильно сделал, выбрав для себя более южные районы (у него уже была семья, и на севере ему пришлось бы трудно). До окончания войны мы ничего не знали друг о друге. Последнее письмо Марк получил от меня с сообщением о том, что я уезжаю на фронт. После этого переписка прекратилась.

Я благодарен своему другу и его жене Нине, что своего второго сына, родившегося на Дальнем Востоке, они назвали Евгением. Но это было потом. А 1 апреля 1940 года кончились мои студенческие годы. Начался новый этап в жизни — работа в Московском университете.

Глава 8 На пороге науки

Я спросил Михаила Михайловича, что мне надо делать на кафедре.

— Готовьтесь к проведению практических занятий по грунтоведению. И главное, продолжайте исследова-

ния по теплоте смачивания грунтов. Интересные результаты получаются.

То же самое сказал мне и Сергей Сергеевич Морозов: «Занимайтесь теплотой смачивания грунтов».

В начале XIX века французский физик Пулье опубликовал данные о том, что при смачивании сухого порошка (глины, кожи и др.) выделяется теплота, которая легко фокусируется термометрами. Ртуть поднимается на два-три градуса в зависимости от того, какое вещество смачивается. Исследования Пулье были опубликованы в трудах французской Академии. Но они не стали широко известными, поскольку тепловой эффект при смачивании был невелик и, казалось, не имел большого практического значения. В 1920–1930-х годах этим явлением заинтересовались некоторые немецкие и американские ученые, занимавшиеся физико-химическим изучением почв. В частности, Янерт установил постоянство соотношения между количеством адсорбируемой парообразной воды сухой почвой и ее теплотой смачивания. Эти данные были подтверждены в нашей стране П.И. Андриановым. Получилось так, что теплоту смачивания можно рассматривать как показатель гидрофильности вещества. Гидрофильность дает представление о том, насколько активно происходит взаимодействие между водой и твердыми частицами. А ведь от этого зависят все свойства горных пород. Так нельзя ли по величине теплоты смачивания прогнозировать эти свойства? Чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, от каких факторов изменяется сама теплота смачивания горных пород. Вот это и рассматривалось в моей спецработе на основании литературных данных и небольших собственных экспериментальных исследований. Свою работу я докладывал на общеуниверситетской научной студенческой конференции в апреле 1940 года. Тезисы докладов ее были опубликованы. Среди них и тезисы моего доклада: «К вопросу о теплоте смачивания грунтов». Это был мой первый шаг в науку.

В конце 1939 года установили стипендии имени Сталина для студентов вузов, для лиц, готовящих кандидатские и докторские диссертации. Когда стали выдвигать кандидатов от МГУ, выдвинули и мою кандидатуру для подготовки и защиты кандидатской диссертации на тему «Теплота смачивания грунтов». Выполнить работу надо было в течение двух лет. Точно не помню, но думаю, что от Московского университета было выдвинуто таких кандидатур около двадцати.

Стипендии для подготовки кандидатских и докторских диссертаций присуждались совместным решением коллегии Комитета по делам высшей школы (КВШ) и президиума АН СССР. Стипендии были высокие: 1000 рублей для подготовки кандидатской диссертации и 1500 рублей — для докторской. Было их очень ограниченное количество. Кажется, на всю страну всего пятьдесят докторских и сто кандидатских. Я считал, что у меня нет никаких шансов, но независимо от этого составил план диссертационной работы, который был одобрен М.М. Филатовым, взявшим на себя функции научного руководителя. В соответствии с этим планом предусматривалось определение теплоты смачивания у различных грунтов, в том числе и у лёссов.

Наиболее изученными в то время были лёссы Украины. Туда и запланировали командировку для отбора об-

разцов. Вместе со мной поехал Володя Пеутин. Он был студентом пятого курса нашей кафедры, и ему тоже нужен был материал для дипломной работы. Сначала мы приехали в Харьков. Отобрали образцы лёссов в его окрестностях, а затем решили самолетом лететь в Киев, где находятся классические разрезы лёссовых пород.

Купили билеты на рейс Харьков — Киев. Тогда эту линию обслуживали маленькие одномоторные самолеты «Сталь-3». Аэродром был обычным зеленым полем. Несколько пассажиров подошли к самолету. К нему была приставлена небольшая лесенка. Нам сказали: «Залезайте». И мы полезли в самолет со своими вещичками, благо их было немного. Уселись. Летчик начал заводить мотор, а он «чихает» и заводиться не хочет. Вылезли. Уселись на травку в тени самолета. Летчик часа полтора — два копался в моторе вместе с механиком, пришедшим к нему на помощь. Наконец, мотор «прочихался» и заработал нормально.

Снова погрузились. Поднялись в воздух. Качка началась ужасная. Все внутренности выворачивало наружу. Когда сели в Киеве, пассажиры вышли бледно-зелеными. Про себя я подумал: никогда больше не полечу. Но вышло по-другому: начиная с войны, я все летал и летал. Теперь странно даже подумать, как можно было жить без этого. Давно уже и самолеты стали другими, и, самое главное, темпы жизни другими. Но тогда, в 1940 году мы с Володией решили больше не испытывать судьбу и благополучно вернулись в Москву поездом.

На факультете меня ждали. Декан факультета Дмитрий Гермогенович Виленский и его заместитель Николай Федорович Полтев оба хотели уйти в отпуск и решили исполнение обязанностей зам. декана возложить на меня, чтобы, когда нужно, я бы представлял и декана тоже. Никаких особенно сложных дел не предвиделось, за исключением приема на первый курс.

В университет стали приходить извещения из КВШ об утверждении сталинских стипендиатов для подготовки кандидатских и докторских диссертаций. Это были, главным образом, представители механико-математического и физического факультетов. Кажется, их было 7–8 человек. Об остальных — молчание. Все ясно: они не прошли. В отношении себя я воспринял это как вполне нормальное явление.

Приходит ко мне зав. канцелярией с большим пакетом из Ленинградского университета. На пакете надпись: Москва, МГУ, геолого-почвенный факультет, декану факультета, лично.

— Будете вскрывать или пусть декана подождет?

— Буду. Тут же не написано лично Виленскому. Может быть, что-нибудь срочное.

Вскрыл пакет, в нем другой, такой же большой, но со штампом КВШ, и маленькое сопроводительное письмо. Письмо всего из одной строчки: «Направляем вам пакет из КВШ, как ошибочно присланный в ЛГУ, для вручения его адресату». Посмотрел на конверт КВШ, на нем странный адрес: «Ленинград, Ленинградский университет. Геолого-почвенный факультет МГУ, ассистенту кафедры грунтоведения Сергею Е.М.». Нарочню не придумашешь!

Вскрываю конверт, и в нем лежит выписка из совместного решения коллегии КВШ и президиума АН СССР о назначении мне стипендии имени И.В. Стали-

на. Подписано С.В. Кафтановым и президентом АН СССР. Смотрю и глазам не верю. И тема диссертации зафиксирована, и срок обозначен — два года.

Вот над сроком я задумался. Ведь сюда входили и экзамены по кандидатскому минимуму. А они были такие же, как сейчас: философия, спецпредмет и иностранный язык. И тогда у аспирантов уходило на подготовку и сдачу экзаменов не меньше года. Я решил наряду с экспериментальными исследованиями форсировать подготовку и сдачу кандидатских экзаменов. Михаил Михайлович Филатов одобрил такое решение.

— Забирайте, Евгений Михайлович, мой кафедральный кабинет. Превращайте его в свою лабораторию. А кафедральные дела мы можем решать и в кабинете ректора.

Сергей Сергеевич Морозов подсказал мне, что надо больше изготовить калориметров. Работать, так сказать, на потоке. Такая возможность была. На факультете был всего один мастер-приборист по фамилии Заика. Но это был мастер — золотые руки. Он все мог сделать и часто даже подсказывал, как можно лучше сделать. Вот он-то в кратчайший срок, без всяких нарядов, изготовил мне серию калориметров Андрианова. А затем, когда у меня возникла мысль об их усовершенствовании, воплотил ее в калориметр усовершенствованной конструкции, который был описан мною в журнале «Почвоведение» в статье «Новое в методике определения теплоты смачивания грунтов».

Мой рабочий день всегда начинался до девяти и кончался после девяти вечера. Вынужденные паузы по условиям эксперимента заполнялись чтением книг по философии. В трамвае они же, в воскресенье — тоже. И оказалось, что одолеть обязательный список литературы, который необходимо знать при сдаче экзамена по философии, не так уже сложно. На это ушло два месяца.

В конце сентября явился я на кафедру философии с письмом от деканата нашего факультета, где говорилось, что деканат просит проэкзаменовать ассистента кафедры грунтоведения Сергея Е.М. в объеме кандидатского минимума.

Из состава комиссии мне запомнился профессор Асмус. Члены комиссии, узнав, что я окончил университет только в феврале этого года и уже в сентябре пришел сдавать кандидатский экзамен по философии, переглянулись, а некоторые даже, не скрывая своего удивления, и усмехнулись. Были даны два вопроса: первый — работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и второй — французские социалисты-утописты XVIII века. Сразу же сознаю, что мои знания по второму вопросу ограничивались университетской программой. Лекции по ней прекрасно читал профессор Светлов, но так как объем курса был невелик, то и знания мои были такими же. Что же касается первого вопроса, то лучшего придумать для меня было нельзя. Через десять минут я уже начал рассказывать о работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Рассказывал обстоятельно. Настроение комиссии изменилось, и дело кончилось тем, что мне сказали: «Хватит, отлично». Я был спасен от малоизвестных мне французских социалистов-утопистов.

За несколько дней до экзамена по философии меня и Володю Пеутину пригласили в Краснопресненский

райком партии и предложили пойти учиться в Высшую партийную школу. Это был второй набор в ВПШ. Володя, не задумываясь, дал согласие и был принят. Я, наоборот, просил дать мне возможность закончить работу над кандидатской диссертацией.

Второй экзамен, по грунтоведению, был в ноябре сорокового года. В назначенное время в кабинете Филатова собралась комиссия: Михаил Михайлович (он был председателем), декан факультета Д.Г. Виленский, профессор В.В. Геммерлинг и ученый секретарь факультета Татьяна Ивановна Евдокимова. Мне были предложены вопросы: содержание книг А.Ф. Лебедева «Почвенные и грунтовые воды» и П. Фегелера «Режим катионов и воды в минеральных почвах», а также об укреплении грунтов битумами. Михаил Михайлович перебивал, задавал вопросы, иногда не имевшие прямого отношения к теме, высказывал свою точку зрения. Геммерлинг, как всегда, мирно спал, то усиливая, то, наоборот, смиряя свой храп. Дмитрий Гермогенович сердито тер себе глаза, а Татьяна Ивановна смотрела на меня далеко не ласково, как на главного виновника, из-за которого приходится тратить время. Наконец, Виленский не выдержал и сказал:

— Михаил Михайлович, мы начали экзамен в десять, а сейчас уже два. Может быть, пора и закончить его?

— Да, конечно, конечно. Извините, товарищи. Это мы увлеклись с Евгением Михайловичем. Но нет худа без добра. Я думаю, что теперь мы сможем смело поставить ему отличную оценку.

Никто не возражал, и протокол был тут же подписан.

Война прервала работу над диссертацией. Но когда я вернулся в 1943 году после ранения домой, у меня оказалось достаточно данных, чтобы можно было (конечно, с использованием литературного материала) написать диссертацию. Экзамен по немецкому языку я сдавал почти накануне защиты. Сдавал плохо. За время войны перзабыл специальную терминологию. Думаю, что только доброжелательное отношение членов комиссии позволило им выставить хорошую оценку.

Отчетно-выборные партийные собрания в университете проходили ежегодно в весеннее время. Число коммунистов в университете приближалось к тысяче, а по уставу в партком можно было выбрать не более 11 человек. В список для тайного голосования было принято выдвигать 15–17 кандидатов. Названа была и моя кандидатура. Она не встретила возражений, и я оказался избранным в партком МГУ. Было объявлено, что новый состав парткома должен собраться на следующий день.

Уже на собрании шли разговоры, что секретарем парткома будет Жора Пондопуло — аспирант мехмата, до этого возглавлявший комсомольскую организацию университета. Зам. секретаря по оргработе — Иван Павлович Андреев — историк, который тоже поработал секретарем вузкома комсомола МГУ. Вторым заместителем секретаря, ведающим идеологической работой, должен был быть Петр Матвеевич Огибалов — преподаватель мехмата. Остальные члены парткома должны были в основном распределиться по этим двум секторам.

Назначенное заседание парткома не состоялось. Мне позвонили и передали, что заседание откладывается, дополнительно будет сообщено, когда оно состоится. Я все же зашел в партком, чтобы поговорить с А.М. Пи-

воваровым, теперь уже бывшим секретарем парткома. Он сидел расстроенный.

— Ты, наверное, слышал, что намечалось избрать секретарем парткома Пондопуло?

— Слышал, конечно.

— Так вот, в день собрания ЦК партии принял решение направить его на другую работу, вне университета. Горкому и райкому партии это стало известно только сегодня. Поэтому избирать секретарем Пондопуло теперь нельзя. Несколько дней уйдет на согласование новой кандидатуры. А мне надо сидеть и ждать, когда это произойдет, хотя я уже и не секретарь. Настроение паршивое.

Через неделю нас пригласили на заседание. Собрались все, в том числе и Жора Пондопуло. Мелькнула мысль: «А может быть, решили его оставить в университете?». Заседание проводит первый секретарь Краснопресненского РК ВКП(б) Сергей Абрамович Ухолин. Он спрашивает:

— Ну как, товарищи, пора избирать секретаря парткома?

— Пора, Сергей Абрамович, — чуть ли не хором отвечают члены парткома.

— Горком и райком партии внимательно обсудили этот вопрос и рекомендуют избрать секретарем парткома товарища Сергеева.

Никогда не думал, что от неожиданности можно подпрыгнуть на стуле. Оказывается, можно. Молчание. Я встаю.

— Разрешите, Сергей Абрамович?

— Подождите. Вы потом. Кто хочет выступить?

Кто-то задает вопрос:

— А можем ли Сергеева избирать секретарем парткома? Мы же его недавно в партию принимали.

— По уставу необходим год стажа. Сейчас у нас срок первый год, а принимали вы его в тридцать девятом. Больше года прошло. Можем избирать.

Я опять прошу слова.

— Ну, давайте, что у вас?

Стараюсь говорить спокойно. Прошу снять мою кандидатуру и потому, что недавно в партии, что опыта партийной работы мало, и потому, что должен, нет, просто обязан оправдать утвержденную мне сталинскую стипендию, подготовить и защитить диссертацию за два года.

— Все?

— Все.

— Тогда голосую, кто за рекомендацию горкома и райкома партии: избрать товарища Сергеева секретарем парткома МГУ, прошу поднять руки. — Единогласно, при одном неголосовавшем.

Дальше, как и намечалось, заместителями секретаря были избраны Иван Павлович Андреев с исторического факультета и Петр Матвеевич Огибалов с мехмата.

На следующий день я был в райкоме у Ухолина.

— Сергей Абрамович, как же могло так получиться, что со мною даже не поговорили перед заседанием парткома?

— Так уж получилось. МГУ это МГУ. Кому быть секретарем парткома — решает сам Щербаков. (А.С. Щербаков в то время был членом политбюро, секретарем ЦК ВКП(б) и первым секретарем МГК и МК.) Попасть к нему на прием сложно. Вчера приехал к нему

докладывать. Он прошелся по всему списку. О каждом члене парткома расспрашивал. А потом подчеркнул твою фамилию и сказал: «Вот этого молодого выбирайте и не тяните, проведите заседание парткома как можно скорее». Так что, начинай работать.

— Сергей Абрамович, но ведь я же не справлюсь. У нас в парткоме члены партии с семнадцатого года, бывшие комиссары дивизий. Они же сейчас, наверное, посмеиваются между собой.

— Забудь, что ты мне сейчас говорил. И не вздумай плакаться еще кому-нибудь. Тебе партия доверила эту работу и изволь ее выполнять. Справишься, если будешь всегда стоять на принципиальных позициях. Требуя невзирая на лица, если считаешь, что важно для дела. Тебе ведь скоро ответ держать перед горкомом партии за воспитательную работу в университете. Самому надо понять ее недостатки. На парткоме посоветуйтесь. Комиссия у вас серьезная, работает, спуска не даст. Действуйте.

Действительно, в университете работала комиссия в связи с подготовкой вопроса на бюро горкома «О состоянии идейно-воспитательной работы в МГУ».

Партгруппы среди студентов были малочисленные, а профессора, преподаватели университета к воспитательной работе не привлекались. Ректор, проректоры и деканы факультета никогда не задумывались, что работа со студентами во внеучебное время должна входить в их служебную обязанность. Алексей Сергеевич Бутягин возмущался, когда узнавал о том или ином скандальном случае, но в силу мягкости своего характера ни одного виновного не наказывал.

Можно было ожидать, что обсуждение на горкоме будет трудным. Но для себя я решил: если меня будут все же утверждать секретарем парткома, повторить свой самоотвод, хотя понимал, что это может быть плохо для меня воспринято.

А.С. Щербаков дал мне для доклада 20 минут. Доклад был резким, признавались ошибки парткома и партбюро, но в то же время ставился вопрос о том, что в советском вузе преподаватели не могут стоять в стороне от политического воспитания студентов и на это их должен ориентировать не только партком университета, но и ректор.

Раздался звонок председателя. Посмотрел на часы, прошло всего 17 минут.

— Александр Сергеевич, Вы мне разрешили выступать 20 минут, прошло только 17.

— Это я заранее предупреждаю.

— Спасибо.

Ровно 20 минут понадобилось на доклад. Это Щербакову понравилось. А самое главное, он поддержал мысль о важной роли профессорско-преподавательского состава в воспитании студентов. Всех преподавателей, а не только тех, кто преподает марксизм-ленинизм.

По окончании обсуждения вопроса А.С. Щербаков задержал меня на заседании бюро.

— Как, товарищи, утвердим товарища Сергеева секретарем парткома МГУ?

— Утвердим.

Я обратился к Щербакову:

— Разрешите мне, Александр Сергеевич?

— Да.

— Я благодарю за доверие. Но у меня нет опыта для руководства такой большой партийной организацией,

как МГУ. Потом я единственный коммунист, кто получил в университете стипендию имени Сталина для подготовки кандидатской диссертации. Нехорошо будет, если все беспартийные выполнят взятые на себя обязательства, а коммунист — нет. Я прошу это учесть при решении вопроса о моей будущей работе.

Щербаков ответил:

— Начали правильно. Опыт придет. А диссертацию за два года надо обязательно сделать. Кто рядом с парткомом размещается?

— Хозяйственная часть университета.

— Немедленно выселить ее отсюда. Пусть ищет себе место. Скажите ректору, чтобы в течение двух недель там была оборудована ваша лаборатория. Можно это сделать?

— Вполне.

— Вот значит так. И двух лаборантов пусть дает. Есть свободная минутка, заскочил в лабораторию. Вдруг понадобился в парткоме — звонок. И ты на месте. Пораньше приходишь, позднее уходишь. Все. Утверждаем секретарем парткома и чтобы диссертация в срок была готова. Это тоже партийное задание.

Вот и все. Дальше обращаться некуда. Хорошо хоть, что наша кафедра приобрела лабораторию «круглый зал» в «казаковском» здании университета площадью не менее 100 метров. Мы ею пользовались до 1953 года, когда переехали в новые здания университета, построенные на Ленинских горах.

После заседания бюро МГК снова меня пригласил к себе в райком С.А. Ухолин.

— Чем думаешь заниматься?

— Составляем план реализации решений бюро МГК, готовимся к проведению первомайских праздников, собираемся послушать, как работает комсомольская организация.

— Все хорошо, но пусть этими вопросами занимаются твои заместители. А тебе есть персональное поручение. Ты назначаешься председателем комиссии МГУ по подготовке к 1 июня этого года бомбо- и газубежищ в подвалах университета на 2 000 человек. Членов комиссии сам себе подберешь. Обязательно включи в состав комиссии главного инженера. Всю техническую документацию он и получит. А тебе хочу сказать две вещи. Во-первых, все должно быть сделано добротнo, и чтобы людям, которые будут там укрываться, было удобно. Во-вторых, к этим работам как можно меньше привлекайте внимание окружающих. Как можно меньше вокруг них разговоров. К 1 июня все должно быть готово. Государственная комиссия будет принимать. Сейчас это главное партийное поручение, за которое персонально отвечаешь ты — секретарь парткома.

К 1 июня 1941 года мы выполнили это поручение. Эти бомбоубежища прослужили по своему назначению всю войну. Но сделать это в такой короткий срок (разговор был в апреле) оказалось совсем непросто. К тому же чувствовал я себя неважно. Простудился. Ходил с кашлем. Врач нашей университетской поликлиники Надежда Дмитриевна Шерер настаивала на отдыхе.

— Евгений Михайлович, поезжайте в Геленджик, погрейтесь на солнышке, отдохните, и все будет хорошо. А так — доходите до какого-нибудь осложнения.

Отпуск мне дали. Шел июнь сорок первого. 🌐